

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Часть 1. Обоюдоострое начало	5
Страхи из прошлого	6
Время	11
Страхи настоящего	21
Возрастной регресс.....	28
Мальчики, дедушка и Аватар	44
Не знаю, или Битва за осознание	57
Нежность	66
Вранье	71
Часть 2. Два года спустя	82
Иерархия в семье	82
Кинестетика в развитии.....	88
Расставание, или Большая ошибка	98
Новые телесные барьеры, или Ох, уж эта кинестетика	112
Дела и делишки, или Домашний тайм-менеджмент	121
Линия времени жизни.....	126
Взросление, или Четырнадцатилетняя неудачница	137
Сюрреализм переживаний.....	145
Часть 3. Школьный путь	154
Основа основ учебных навыков	155
Средненькая жизнь в средней школе.....	164
Основания для выбора будущего	201
ГИА, наконец!.....	229
Финишная прямая	243

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сироту пристроить — что храм построить». Пословица, если вдуматься, очень емкая. Она говорит и о значимости этого шага. И о том, что многие способны на него. И о том, сколько сил, мужества и самоотдачи требуется. Взять в дом чужого ребенка, разделить с ним кров и пищу — это один из немногих поступков, которые вызывали уважение в любой стране и в любое время. Вне истории и вне национальности.

Как любить чужого «плохого» мальчика или девочку? А ведь с точки зрения общества они — те самые «плохие» брошенные дети. Как в воспитательном порыве не возненавидеть его сопротивление?

Книга об этом и не только. Автор обладает свойственной немногим людям способностью требовательной любви. И меня, как непосредственного наблюдателя и участника всего процесса, неизменно поражало это качество моей подруги. Ее умение выставлять жесткие требования и добиваться их выполнения, сохраняя при этом доброжелательность и нежность в отношениях. Об этом в книге написано мало, но, я надеюсь, каждый прочтет это между строк. Потому что именно такая любовь делает жизнь девочки настоящей семейной жизнью.

Ольга Игнатова

ЧАСТЬ 1

ОБОЮДООСТРОЕ НАЧАЛО

Я намеренно не буду называть имя дочери.
Я не уверена в том, что имею на это право.
Поэтому здесь, в этой книге, она будет
моей доченькой, дочкой, дочерью, дочуркой, дочей.

Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме — не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только огромное, беззаветное желание стать приемными родителями такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи, а честно и открыто разделить ее на части. И относиться к каждой части как к целой жизни!

Возможно, моя идея разделить горечь на части напомнила вам известную притчу про слона. В этой притче каждый слепой схватился за какую-то часть слона и сделал вывод о том, кто такой слон и как он выглядит. Так вот, вы будете вынуждены стать слепым, вам придется по частям восстанавливать картину прошлого вашего ребенка, о котором ничего не скажут ни документы, ни воспитатели, ни директор, ни он сам. Вам придется на время ослепнуть, чтобы не думать, что вы видите и знаете эти проблемные части вашего ребенка. Потому что вы не знаете ни одной части горечи, испытанной им до детского дома, в детском доме и какое-то время после. Это очень важное понимание. Вам действительно необходимо понять, что вы ухватились за то, о чем не имеете представления. И на ощупь, медленно, вы будете открывать вместе с ребенком эти части. В этом и состоит начало. Начало жизни с ребенком из детского дома.

СТРАХИ ИЗ ПРОШЛОГО

*Злая копия ребенка
посредине пустоты...*

Павел Кашин

Придуманное прошлое

У каждой части прошлого есть свой страх. Во-первых, страх внутри самого ребенка. Во-вторых, страх вокруг ребенка. Когда ребенок живет в детском доме, он не только чувствует себя преданным, брошенным, глубоко обиженным своими родными. Ребенок пытается забыть плохое, сделать вид, что в его жизни «ничего такого» не было. Но чем больше и упорнее ребенок стремится забыть своих маму и папу, тем глубже проникают в его душу обида и злость.

Запомните: страхи никуда не деваются. Они притупляются на время. Они затаиваются в уголках, тесня надежду на нормальную жизнь. Потому что жизнь в детском доме в принципе нельзя назвать нормальной ни для одного ребенка. Потому что в детском доме ребенку напомнят о его брошенности другие, такие же брошенные дети. Напомнят жестоко, вымещая собственные обиды, пытаясь забыться и делая другим больно точно так же, как делали больно им самим. Детский дом порочен по своей сути. Потому что ни в одном, даже в самом радостном детском доме дети не могут забыть свои страхи, не могут не причинять друг другу вред: им приходится страдать самим и заставлять страдать других. Прошлое держит и будет держать в страхе всех детей детского дома, потому что его нельзя просто забыть. Даже со временем.

*Доченька моя врет
Не задумываясь, но
Как задумает,
Истинная правда жизни
На вымысел похожа!*

Моя дочь только на третий месяц нашей совместной жизни смогла начать вспоминать свое прошлое. В первые месяцы она себе его придумы-

вала. Доченька всей душой желала иметь хорошее прошлое, но могла его только выдумать. Я старалась ей не мешать, но и не поощряла выдумки. Я не знала, правдивы ли ее рассказы, но чувствовала, что сейчас вранье нужно ей не меньше, чем рыбе вода.

Ребенок не может жить без знания о том, что с ним произошло. Моя дочь знала, что у девочки ее возраста, одиннадцати с половиной лет, могли быть, например, воспоминания о катании на роликах. Дочь взахлеб рассказывала, как они с подружкой катались на роликах и как она научилась делать разные трюки не только на роликах, но и на скейтборде. Простого вопроса о технике катания было бы достаточно, чтобы понять, что это голая неправда. Я слушала байки из якобы ее прошлой жизни, и единственное, что мне приходило в голову, так это то, что дочь хочет мне показать, какая она хорошая и способная девочка. Потому что все ее завиральные истории, в сущности, воссоздавали опыт нормального ребенка, который хочет похвалить себя. И дочь черпала в них уверенность для своей настоящей жизни, облагораживая свое прошлое.

Иногда из этого получались смешные казусы. Однажды по дороге из моего офиса домой я рассказала дочери историю, которая случилась со мной в детстве. С нами была моя подруга, и она вспомнила, что с ней произошел подобный случай. На следующий же день, когда мы шли из школы домой, моя дочурка как ни в чем не бывало рассказала мне историю, которая, по ее представлениям, произошла с ней прошлой зимой. Ее слова оказались точным повтором моей вчерашней истории, но с добавлением того, что рассказала моя подруга. Потом мы вместе с дочкой смеялись и даже подтрунивали над тем, как ловко она пересказывает мои истории, да еще умудряется присвоить себе воспоминания моей подруги. Тогда я была уверена в том, что моя доченька прекрасно понимает, над чем мы смеемся. Но я также понимала и то, что рассказывая мне «свой» эпизод из «своего» прошлого, она совершенно искренне верила, что это действительно произошло именно с ней. Дочка верила, что эта история является именно ее воспоминанием, а не тем, что она услышала вчера вечером от меня. Мне было не жаль своих воспоминаний из детства для дочери. Если бы я могла, то отдала бы ей столько своих историй, сколько нужно, чтобы заполнить ее душевную пустоту. Но я точно знала, что моими воспоминаниями дочка увлеклась лишь на какое-то время, потому что страхи прошлого давали о себе знать почти каждый день. Они были

рядом. И они влияли на настроение, на сон, на поведение. Это придуманное прошлое было островком «нормальности» или «хорошести». Но оно не было ее прошлым. Оно было уже нашим настоящим.

Через какое-то время я стала настаивать на том, чтобы моя дочь научилась различать то, что она придумывает, и то, что с ней действительно произошло в *нашем* настоящем. Единственное, чего я хотела добиться, — так это того, чтобы дочь понимала, что у нее есть собственное настоящее! Мне было важно убедить свою дочку в том, что это настоящее происходит именно с ней, а не с выдуманной девочкой. И что я — это я. И что наше настоящее происходит также со мной, ее приемной мамой, а не с кем-то еще. Я уделяла этому внимание постоянно. Все наши с ней километры пути в школу и из школы, в магазин и из магазина, все наши прогулки и посиделки были посвящены осознанию нашего общего настоящего.

Мы с другом стоим на кухне. Первый день, как мы с дочкой вместе. Друг говорит мне:

— Надеюсь, ты понимаешь, что она тебя не сможет называть мамой.

Моя дочь распахивает дверь, врывается на кухню и кричит:

— Мама, мама! Смотри, что я нарисовала!

Воспоминания о нашем прошлом

Конечно, в нашем настоящем были общие воспоминания, которые касались жизни после детского дома. Как-то раз моя дочь сказала за ужином, что она решила, что я стану ее мамой, в первый же день нашего знакомства. Меня это удивило. Это было неожиданно, поскольку наша жизнь складывалась очень сложно.

Когда мои друзья спрашивали меня, как я выбирала себе ребенка в детском доме, я пыталась объяснить им, что «выбирать себе детей» в принципе невозможно. Когда ты заходишь в детский дом, на тебя наваливается орава малышни, тебя тянут за руки, за одежду... Двадцать пар рук не дают шагу ступить. И еще двадцать пар глазенок смотрят на тебя с такой надеждой, что ты забываешь обо всем на свете и уже не можешь сдержать рыданий. Все твои чувства обостряются настолько, что тихим голосом произнесенный каким-то малышом прямой вопрос: «А вы будете моей мамой?» — превращается в крик твоей собственной души. И не-

ненависть ко всему человечеству подступает так близко к сердцу, что приходится срочно бежать в какой-нибудь уголок, тайком смахивать слезы и приводить себя в порядок. Сбежать в этот момент, поддаться слабости можно. В этом нет ничего постыдного. Но вернуться — сложнее во сто крат! Хотя и это осуществимо. Непостижимо само наличие и увеличение количества детских домов, этого не понять ни умом профессионального психолога, ни сердцем женщины. Что касается меня, то я приехала за конкретным ребенком, вместе с которым провела Новый год у моих друзей, а взяла ту девочку, которую мне дали. Взяла без сопротивления и в соответствии с законом жизни: дают — бери!

Так вот. Доченька очень подробно вспомнила тот день, когда я впервые взяла ее с собой из детского дома. Поскольку детский дом находился не в моем, а в другом городе, я жила у своих друзей и могла пригласить свою будущую дочь только к ним, предварительно получив их согласие. Дочка вспомнила, как мы рисовали, как болтали, как смотрели все вместе «Мадагаскар-2», как делали винегрет, а вечером взбивали молочный коктейль с бананами, как рассматривали все вместе фотографии моего родного города, города, в который нам предстояло через какое-то (никто не знал, какое) время уехать и там жить. Дочь вспомнила и о том, как я укладывала ее спать, читала сказку на ночь. В тот момент, когда мы легли, касаясь друг друга, моя дочь подумала, что я стану ее мамой. Она так и сказала мне за ужином по прошествии более трех месяцев, что это она меня выбрала.

*Потеряла крестик
Доченька в дороге.
Снег же все не тает —
Держится за крестик.
Сыщется ли прошлое?*

Мосты прошлого сожжены

И пусть до приезда в мой город у нас был еще месяц, она не переставая думала обо мне. А я — о ней. Я бегала с документами по инстанциям. А она выдержала разговор с родной мамой. Рыдала ночами.

Моя будущая дочка наотрез отказалась брать с собой какие-либо фотографии из прошлой жизни. Она сожгла все мосты и уехала со мной в незнакомый город, к незнакомым людям. Моя дочь пошла в незнакомую школу и стала преодолевать незнакомые ей трудности. Это не значит, что она перестала рыдать. Не значит, что она перестала отказываться. Не значит, что перестала бояться. Это не значит, что она перестала хотеть забыть свое прошлое, и особенно свою маму, навсегда! Это значит, что она осмелилась начать жить со мной. И нам предстояло построить в нашей жизни новые мосты. Старые мосты были сожжены, чтобы мы могли уехать. И теперь нам нужны были другие, чтобы остаться.

В моем случае за три месяца настоящее было осознано и принято — ценной невероятных душевных и профессиональных усилий не только с моей стороны, но и со стороны моей дочери. В конце третьего месяца у нее появилось первое воспоминание из собственной, реальной прошлой жизни. Конечно, были моменты до этого, когда она пыталась мне что-то рассказать. В ее памяти всплывали воспоминания, но попытки рассказать о них превращались в стоны и захлебывание слезами. Слезы катились градом, и дочь не могла произнести ни одного слова. Она выдавливала из себя какие-то непонятные звуки, и мне приходилось ее долго успокаивать.

Не мой, но очень важный случай

Среди моего окружения только одни дальние знакомые решились взять маленького ребенка из детского дома. Мальчик лет трех-четырёх без конца спрашивал своих приемных родителей: «Мама, как же ты могла оставить меня в детском доме?»

Мама была растеряна. Она-то не оставляла этого малыша, а наоборот — взяла его из детского дома.

— Папа, как же ты мог оставить меня в детском доме?

Папа тоже ничего не понял. В первый раз. Но на второй, третий раз приемные родители повинились перед этим мальчиком и попросили прощения. Мама просила простить ее за то, что она оставила своего маленького мальчика в детском доме. Папа умолял простить его за то, что он позволил случиться тому, что его любимый сыночек попал в детский дом.

— Бабушка, как ты могла оставить меня в детском доме? Бабушка, как ты могла разрешить моей маме бросить меня?

И бабушка просила прощения за то, что позволила своей дочери бросить любимого внука в детском доме.

— Дедушка, как ты мог оставить меня в детском доме, почему ты меня не забрал оттуда?

И дедушка тоже просил его простить за то, что он не забрал своего любимого внука из детского дома раньше.

Вопросы маленького мальчика были обращены к его новым родителям, которые ни в чем перед ним не виноваты. Но им пришлось взять на себя всю вину и ответственность кровных родителей, которые бросили своего маленького сынишку, отказались его воспитывать. Приемные родители просили простить их. Конечно, мальчик их простил. Дети хотят все и всех простить. Им просто нужно в этом помочь. Например, взяв вину на себя.

*Тяжек груз вины,
И мало знать о боли.
Сердце нервно рвется.
Доченька, как тебе забыть
Жасмина чудный запах?*

ВРЕМЯ

Наши слабые места

Обычно люди воспринимают разговоры о времени как некую банальность и обыденность. Во многом такое восприятие оправдано привычностью повседневной жизни. Как правило, осознанное отношение ко времени появляется либо с возрастом, поскольку смерть не за горами, либо вследствие потрясения, несчастья. Не зря же народная мудрость гласит: «Счастливые часов не наблюдают». Ценить каждый час своей жизни — задача непомерно сложная еще и потому, что этот час автоматически наполняется заботами, делами и хлопотами. Лишь те ситуации, которые выбивают взрослого человека из автоматического состояния, заставляют его задуматься и о времени, и о смысле проведенного времени, т.е. о смысле самой жизни.

Совсем другое восприятие времени возникает у взрослого человека, в жизни которого появляется ребенок. И не просто сын или дочь подруги, а ребенок, который каждую секунду, каждый час находится рядом. Поверьте, эта ситуация заставляет задуматься: как и чем наполнить жизнь ребенка.

Моей дочке было одиннадцать лет, когда под Новый год мы приехали ко мне домой и стали жить вместе. Она практически не умела читать. Раньше, учась в обычной школе, она была в привилегированном положении ребенка из детского дома: приходила ко второму, иногда к третьему уроку, не выполняла домашних заданий — и ей все сходило с рук. Заветные тройки были обеспечены. А какие еще могли быть оценки у ученицы четвертого класса, которая не могла толком прочесть даже условие задачи? Но если о школе у моей дочки имелись хоть какие-то представления, то понятия о домашнем образе жизни не было вообще. Поэтому во время зимних каникул я, как слепая, ухватилась за дом. И мы стали его обживать.

*Множество мышек
В нашем доме: слепленных,
Резных, бисерных —
Ждут часа своего.
Да репка медленно растет!*

За несколько первых дней нашей жизни мы купили необходимые вещи моей доченьке. Стояла зима, шел снег, а мы, подставляя лица опускающимся снежинкам, ходили от магазина к магазину. Доченька моя притомилась, а я была шокирована ценами на детские вещи и тем, как много всего было необходимо купить. Кроме того, выяснилось, что дочку укачивает в маршрутках. Поэтому мы селились и ехали до того момента, пока тошнота не подступала к горлу. Тогда мы выходили и искали нужные вещи там, куда успевали доехать.

Все эти походы за одеждой и обувью выявили наши слабые стороны. Слабость моей дочки была в том, что раньше она никогда не решала сама, что ей носить. Ее никогда не спрашивали о том, что ей нужно. Она никогда не делала самостоятельный выбор относительно одежды или обуви.

Личных вещей в детском доме у нее не было, и носила она только то, что ей давали.

Моя слабость оказалась в том, что я понятия не имела ни о детских размерах, ни о детских материальных потребностях. От надежды на то, что дочь сама начнет выбирать вещи в свои одиннадцать лет, пришлось отказаться сразу же. Дочка смотрела обреченным взглядом, крепко держала меня за руку и ни при каких обстоятельствах не желала оставаться одна. Мои уговоры присесть на диванчик и снять дырявые сапоги, пока я ей буду выбирать для примерки ту или иную пару обуви, не действовали. Дочь крепко вцепилась в меня и ни за что не соглашалась разжать руки.

Продавщицы тоже мало чем помогали. Им были совершенно безразличны наши с дочкой затруднения. Моя просьба принести нам зимние сапоги такого-то размера была выполнена лишь единожды. Никто не собирался облегчать нам жизнь. Мы, держась за руки, ходили по магазину. Я выбирала пару сапог, затем мы шли, не разнимая рук, к диванчику, присаживались, дочка при мне снимала свои сапоги и надевала новые. Если сапоги не подходили, она надевала старые, и мы, все так же держась за руки, шли искать другую пару сапог, и все повторялось с начала. С горем пополам, не разлучаясь ни на секунду, мы оказались обуты и одеты.

Зимние фотографии

Все наши походы и прогулки на зимних каникулах сильнейшим образом истощили меня физически. Я буквально носила на себе свою дочь. Спустя много месяцев я, просматривая фотографии с наших прогулок и поездок, заметила, что ни на одной из зимних фотографий моя дочь не стоит самостоятельно. Вот она висит на мне, вот она буквально налегла на сына моего друга, а вот она ухватилась сзади и почти всем своим весом пригнула к земле мою подругу. И я тогда подумала, насколько же брошенным детям тяжело стоять на земле своими ногами. Поверьте, эта «ви-сячесть» не есть детское стремление повозиться, поваляться, побеситься с другими детьми или взрослыми. Конечно, моя доченька постоянно заигрывала, дралась, толкалась, убегала и прибегала. Она была постоянно в движении. Но постоять спокойно и самостоятельно одну минуту, чтобы сфотографироваться, была для нее задача непосильная — ни физически, ни психологически.

В первые месяцы я осознанно позволяла своей дочурке висеть на мне. Себя я успокаивала мыслями о нелегкой роли матери, которой приходится носить своих детей на руках с младенчества. Считается, что ребенок растет благодаря энергии матери, и это действительно так. Только материнская сила способна поставить ребенка на ноги в прямом и в переносном смысле. И когда возникает ситуация, что ребенок лишается своих родителей, то он, в первую очередь, лишается именно родительской силы, родительской защиты, родительской энергии. И я знаю, что детский дом, какой бы замечательный он ни был, никогда не поставит на ноги своих воспитанников. По одной очень простой причине, мудрой и житейской, — никто не будет делиться своей энергией, брать каждого брошенного ребенка под «свое крыло». А энергии детдомовскому ребенку нужно во сто крат больше, чем ребенку, находящемуся под родительской защитой. Ведь ребенку из детского дома нужна энергия и для того, чтобы справиться со своими прошлыми ужасами, и для того, чтобы встать на ноги.

*Солнечная пылинка
Обманом веса не имеет.
А как вдохнешь, так
Грузом ляжет. Придавит —
То, что я сказать хотела.*

Домашний образ жизни

Не проходило и дня, чтобы я не вспоминала свой разговор с воспитателем детского дома. Мы сидели на очередном празднике детского дома. На сцене пели и плясали детишки. И в этой атмосфере случился такой диалог.

- *Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы. Она хорошо их моет.*
- *???*
- *Она умеет мыть полы, вы не думайте...*
- *Мне нужна дочка, а полы я и сама могу помыть!*
- *Зачем же самой?*

Насколько моя дочка казалась испуганной и растерянной во внешнем мире, настолько же она оказалась наглой, агрессивной и беспардонной дома, в нашей квартире. Если в магазине она крепко держала меня за руку и была как бы приклеена ко мне, то дома она устраивала жуткие погромы. Вот такие разговоры у нас бывали достаточно часто.

— Да. Разбросать свои вещи в разные стороны ты смогла. А теперь давай все приведем в порядок и сложим на свои места.

— Еще чего!

— Доча, но это же твои вещи?

— Вот ты и убирай!

— Я занимаюсь своими домашними делами, а у тебя есть свои.

— Я тут не уборщица, я убирать ничего не буду!

— Так что, ты собираешься жить в таком беспорядке?

— Нет, ты будешь убирать у меня в комнате!

Вы теперь понимаете, почему не проходило и дня, когда бы я не вспомнила фразу воспитательницы из детского дома: «Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы»? Прошло больше года, а моя доченька только один раз действительно мыла полы. И прошли миллионы минут в разговорах о том, что такое свой дом, своя комната, свои вещи, свои домашние дела, прежде чем моя дочурка что-то сделала по дому.

Оно и понятно. Представьте себе детей, которым прислуживают специально нанятые государством взрослые люди. Государство наняло поварих, чтобы они готовили, кормили и мыли за детьми посуду. Государство наняло уборщиц, чтобы они мыли, подметали, стирали и все прочее. Государство наняло воспитателей, чтобы они будили детей, одевали, водили в школу, приводили обратно в детский дом, делали с ними уроки и все прочее. С чего это у детдомовских детей такие слуги? Этот вопрос без конца мучил меня. Я понимала всю несостоятельность и язвительность этого риторического вопроса, но волей-неволей он возникал с новой силой.

Когда состоятельная семья на свои заработанные или вовремя украденные деньги строит большой дом, нанимает прислугу, поваров, садовников, гувернеров — это нормально. Дети знают, что эти люди работают на них и получают за это деньги. А деньги зарабатывают родители. Здесь нет никакого порока. Все работают. Каждый зарабатывает на жизнь как может. Как говорится, кто на что учился. А что понимают дети из детско-

го дома, к каким мыслям привыкают они? Согласитесь, к хорошему люди привыкают быстро. Но это хорошее они создают своими силами. А детдомовским детям еще даже не представилось случая сделать что-то хорошее своими силами, но они уже привыкли к полному обслуживанию. И это порочно!

В детском доме нанятые государством люди выполняют свои функциональные обязанности и этим ограничиваются. У них-то есть свой дом, свои родные, свои вещи, домашние хлопоты. Их никто не лишал свободы готовить обед своему мужу, мыть полы у себя дома. Может быть, домашние хлопоты им неприятны. Возможно даже, что они без удовольствия убирают свой дом. Главное, что у них изначально есть право это делать! А у детей в детском доме такого права априори нет! И все разговоры о том, что дети в детском доме помогают уборщицам мыть полы, глупы и кощунственны по своей природе, так как у детей нет никакого желания помогать уборщицам зарабатывать положенную зарплату. И если они это делают, то делают из весьма неблагородных мотивов.

Посуду моя дочь впервые помыла на третьем месяце нашей совместной жизни. Борьба за чистоту и домашний порядок оказалась настоящей битвой без врага. Я хорошо понимала, что нужно ввести правила и следовать им неукоснительно. Мне понадобилась вся моя устойчивость, чтобы не потянуться за валяющейся кофточкой и не положить ее в красивый зеркальный шкаф дочери, предварительно свернув. Для меня было бы легко и почти естественно сделать это. И уж тем более не лень. Дело в том, что мне нужно было воспитать в доченьке, во-первых, позитивное отношение к своей комнате, во-вторых, ответственное отношение к своим вещам, а в-третьих — способность самостоятельно принимать решения. Конечно, воспитание — слишком объемный процесс. Но, вспомнив притчу о слепых, я решила вначале сконцентрироваться на порядке в комнате и еде.

Порядок в комнате

Я установила правило, которое гласило: «Если вещь валяется на полу, значит, она не нужна и ее можно выбросить!» У моей дочери после похода по магазинам сложилось твердое убеждение, что мои слова не расходятся с поступками. Уж если я что сказала, то можно быть абсолютно уверенным в том, что я так и сделаю. Дочь на своем опыте убедилась в моей

устойчивости к ее «хочу-купишкам». А хотела она всякой ерунды вроде той, которая лежит на полках у кассы любого крупного универсама. Если она ныла, я внимательно смотрела ей в глаза и спрашивала: «Сколько времени у тебя эта игрушка продержится?». Дочь отвечала: «Все время, я ее буду беречь!». Я покупала эту игрушку, напомним правило. И как только на следующий день я обнаруживала именно эту, якобы дорогую ее сердцу игрушку валяющейся на полу, я демонстративно поднимала ее с пола и выбрасывала в мусорное ведро. Моя дочь злилась, рыдала, но я была непреклонна. Правило нарушено. Если вещь дорога, то ее надо беречь и у нее должно быть свое место! Так мало-помалу доченька воспитывала в себе бережливость и ответственность. Она стала более аккуратна и внимательна к своим любимым игрушкам и вещам (хотя бы в первое время). Конечно, потом новизна исчезала, и вместе с ней исчезало бережное отношение. На остальное пока не хватало ни рук, ни внимания. Я ей помогала и устраивала совместные уборки.

В вопросах, связанных с уборкой, мы долго не находили общего языка. «Еще чего!» — так и слетало с языка моей дочери. Автоматически! Я понимала, что автоматическую реакцию преодолеть сложнее, чем можно было бы ожидать. Поэтому терпеливо вместе с ней сначала наводила порядок в ее комнате, потом начинала убирать свою комнату, кухню и коридор. Очень скоро такая стратегия дала хорошие результаты: дочь заинтересовалась пылесосом. Ее в принципе привлекали устройства и приборчики. Долго они не жили, но жажду нового утоляли. Например, фонарики покупались раз в две недели. Она их собирала-разбирала, брала на ночь в кровать и под одеялом играла с ними или просто лежала и светила в потолок, на стены комнаты. Ритуал засыпания с фонарем продержался долго и сыграл позитивную роль в нашей жизни. На покупку фонарей я не скупилась, так как они были частью необходимого ритуала. Все остальные «хочу», не представлявшие ценности для нашей жизни, я полностью игнорировала.

Так вот, моя дочь заинтересовалась пылесосом. И я стала поручать ей уборку сначала только ее комнаты, а затем и всей квартиры. Ковер в моей комнате отличался от ковра в комнате дочери структурой ворса, и пылесосить его было труднее. Я показала и рассказала, как удобнее пылесосить мой ковер, и дочка больше не испытывала трудностей с уборкой всей квартиры. Очень скоро нам понадобился новый пылесос. Сила, с которой дочь жала на трубки, расплющила их, и по ним пошли трещины. Но зато

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru